

Шемякина Екатерина Викторовна

ЖЕСТ КАК ПУТЬ К ИСЦЕЛЕНИЮ СЛОВА

В статье рассматривается проблема девальвации слова в современном мире и предлагается возможный путь преодоления её – культивирование жеста как способа коммуникации и как формы выражения чувств и мыслей. Рассматривая коммуникативный потенциал жеста, автор приходит к выводу о его независимости как способа коммуникации от слова. Культивирование жеста привносит в социальную жизнь эстетическое и сакральное измерение, и, в конечном счёте, помогает исцелить слово, освобождая последнее от несвойственной ему роли главного средства передачи информации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 206-210. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

SOVIET RULE AND CULTURE: PEOPLE'S REVOLUTIONARY THEATRE FORMATION IN 1917-1920

Shalaeva Nadezhda Vladimirovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov
nadejda-hist@yandex.ru

In the article people's revolutionary theatre formation process is considered as the mechanism of power representation and political communication on the basis of modern approaches in history, the wide use of archival materials. Theatres classification is given from the position of power representation aimed at power image formation. Special attention is paid to the characteristic of revolutionary and people's theatres as the soviet rule ideas bearers. The revolutionary-ideological mechanism of theatre activity management in behalf of the soviet rule in 1917 – the 1920s is presented.

Key words and phrases: soviet rule; culture; theatre policy; Proletkult; people's theatre.

УДК 101.1:316

Философские науки

В статье рассматривается проблема девальвации слова в современном мире и предлагается возможный путь преодоления её – культивирование жеста как способа коммуникации и как формы выражения чувств и мыслей. Рассматривая коммуникативный потенциал жеста, автор приходит к выводу о его независимости как способа коммуникации от слова. Культивирование жеста привносит в социальную жизнь эстетическое и сакральное измерение, и, в конечном счёте, помогает исцелить слово, освобождая последнее от несвойственной ему роли главного средства передачи информации.

Ключевые слова и фразы: культивирование жеста; слово; хореографичность; коммуникация; тело; социальная феноменология.

Шемякина Екатерина Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет
aicaitlin@gmail.com

ЖЕСТ КАК ПУТЬ К ИСЦЕЛЕНИЮ СЛОВА[©]

Современный мир нередко характеризуют как империю болтовни. Это касается как качества слова, потери к нему доверия, чувства неловкости при упоминании слов высокого стиля, так и количества слов, нападающих на нас со всех сторон. Опыт молчания, в котором слово только и может набрать силу, становится всё менее доступным: в межличностном общении молчать *неудобно*, это рассматривается как проявление отчуждённости, пренебрежительности; нами руководит весьма сомнительное понимание близости как способности найти общие темы для разговора. На социальном уровне мы сталкиваемся с тем, что политика, реклама, Интернет, СМИ предстают царствами непрерывного говорения, поглощающего всякую мысль и всякое возможное сопротивление. Исцеление человека, расколотого в мире суеты, разобщённого и с ближним, и с самим собой, возможно только при условии исцеления слова, возвращения ему прежнего статуса реальности, укоренённости в бытии. Возможный путь к исцелению слова видится нам в культивировании жеста, во внимании к телу как источнику смысла, как форме выражения чувств и мыслей. В этом отношении наша статья, кроме теоретико-философской, имеет ещё и практическую составляющую, являясь попыткой вдохновить на реализацию этого замысла.

Под жестом мы понимаем пластико-пространственную конфигурацию тела, которая подлежит интерпретации. Культивирование жеста – это сознательная работа над телом, внесение в него смыслового, эстетического, сакрального измерения. Культивирование жеста может быть как индивидуальным (о таких практиках писал С. М. Волконский как о способах «самоизваяния», о поиске себя посредством своего тела [4, с. 16]), так и социальным (сюда относятся практики народных, куртуазных танцев, церемоний, строений, маршей, парадов). Представленное в масштабах социума, оно вносит хореографичность, красоту движений и через это – упорядоченность, эстетическое измерение всей социальной жизни. Такая хореографичность культуры была свойственна, к примеру, Древней Греции с её развитыми пластическими искусствами, Олимпиадами, мистериями и всей системой полисной демократии. Можно говорить о хореографичности традиционной японской культуры, со свойственной ей эстетизацией внешних проявлений жизни. Современная европейская культура, напротив, крайне нехореографична. Это можно видеть не только по неумению большинства людей танцевать, утере культуры народных и социальных танцев, но и по распространению массовой моды, минимизации жестикуляции, механистичности походки.

Таким образом, наряду с девальвацией слова, можно говорить и о девальвации жеста. Наше внимание редко привлекают жесты других, они предсказуемы и неинтересны, равно как и наши собственные. Отличия от таких «усреднённых» жестов (хотя бы простое использование редких сейчас аксессуаров – шляп, тростей)

рассматривается как манерность, как проявление гонора, неэкономное распределение материальных средств и времени. Показательно, что даже в обыденном словоупотреблении «жесты» – это естественные телодвижения, совершаемые параллельно с речью или же направленные на удовлетворение практических потребностей (указать на что-либо, взять какой-либо предмет). Между тем этимология слова «жест» хранит память о том, что одно время под ним понимались только значительные события и поступки: оно происходит от французского *geste* – «подвиг, деяние» [2, с. 17]. До сих пор близкое значение сохранилось в русском языке: по толковому словарю Ожегова второе значение слова – «Поступок, рассчитанный на внешний эффект. Его согласие – только благородный жест» [13].

Нам сейчас важно, однако, не столько свойство жеста быть внешне эффектным, сколько его потенция создавать вокруг себя пространство, противостоящее повседневности, профанности, – пространство сакральных смыслов, связанных с теми самыми «подвигами», «деяниями», о которых свидетельствует история понятия. Культивирование жеста преследует собой именно эту цель – задать через тело эстетическое и сакральное измерение окружающему пространству, прежде всего – пространству социума.

Это сакральное измерение с необходимостью должно присутствовать в социальной жизни. Элиаде в «Трактате по истории религии» пишет о том, что человек может жить только в сакральном пространстве: только тогда, когда есть измерение трансцендентного, когда есть вертикаль, связывающая человека с трансцендентным. Именно это свойство является сугубо человеческим, выделяющим его из животного мира. Это сакральное пространство может предстать перед человеком благодаря тому, что Элиаде называет иерофанией (благодаря Божественному откровению, снисхождению на человека знания о Боге и знания Бога) или же, «если оно не открывается ему в иерофании, то человек *конструирует его сам*» [14, с. 276] (*курсив мой – Е. Ш.*) Культивирование жеста – это один из путей к созданию того самого сакрального пространства, в котором человек только и может почувствовать полноту своего существования, вечное измерение своей жизни. Такие формы культивирования жеста, как церемонии, военные марши, парады, пиры, народные танцы, задают меру всеобщего, когда тело отдельного человека оказывается вписанным в общее тело социума, имеющего общую хореографию, общую ритмизированную систему жестов. Задание меры всеобщего связывает человека со всем социумом и в конечном счёте – со всем универсумом, «Божьим миром», помогает выйти из «тупика частного», преодолеть разобщённость индивида [1, с. 204].

Однако даже на уровне индивидуального культивирования жеста возможно задание сакрального измерения моей личной жизни, потому что культивирование жеста – это всегда осмысление себя через своё тело, поиск ответа на вопрос, кто я такой. Культивирование жеста – это процесс созидания собственного тела, и через это – самого себя. К нему относятся практики аскезы, воздержания, когда мои отношения с телом становятся творческими, активными и выражаются во внешней сдержанности, сохранении от чрезмерных, не-необходимых связей и контактов с миром. К нему также относится работа над телом, совершаемая в пластических искусствах, когда тело культивируется и как форма выражения, и как источник знания о себе и мире: «... жест – это искусство из искусств. Это выявление внутреннего «я» путем внешнего «я»,... самоизъявление, при том вечно изменяющееся, как в себе самом, так в своем отношении к окружающему: человек – центр, каждый – своего космоса; всякое его движение влечет перестановку всех отношений; рука есть начало бесконечного радиуса, конец которого касается невидимой и, вероятно, несуществующей окружности мироздания» [4, с. 16]. К нему относится даже активное искание своего внешнего образа (не будем путать со следованием моде, которое может быть активным внешне, но оставляющим человека внутренне пассивным, ведомым), когда через сознательное управление осанкой, манерой держать тело, походкой, причёской, одеждой человек познаёт себя, заботится о себе и об окружающих, формируя в себе и других чуткость к окружающему ландшафту, к сложившейся ситуации, настоящему моменту (здесь уместно вспомнить слова Пьера Кардена: «Хорошо одетый человек – это тот, кто считается с собой и с другими»). Индивидуальное культивирование жеста (равно как и всякое сознательное усилие, направленное на рост, взросление ума) всегда предполагает некоторую смелость: культивированный жест – это то, что будет более или менее заметным образом выделять из толпы, и потому может вызвать негативную оценку, подозрения в поверхностном желании «выделиться», предвзятое отношение как к «другому, не нашему».

Наконец, что для нас особенно важно в рамках данной статьи, культивирование жестов не только привносит в жизнь (как индивида, так и социума) эстетическое и сакральное измерение, но позволяет освободиться от чрезмерного, неловкого, навязчивого присутствия слов там, где они не необходимы. В межличностных отношениях это могут быть искренние объятия и поцелуй вместо тривиальных слов поощрения, в художественном произведении (например, кино или театральной постановке) – выражение мысли, чувства не напрямую, а в телесно-символической, более тонкой и ненавязчивой (хотя часто более эмоционально выразительной) форме. Жесты часто выступают альтернативой слову в деликатных ситуациях ухаживания и сватовства: «... такое явление, как ухаживание, часто вообще не нуждается в словах. В ритуализированном мире жест был тем знаком, который читали все. Чтобы отказать в руке дочери, достаточно было подарить неудачливому претенденту яйцо, не предлагать ему стула или просто помешать огонь в очаге» [9, с. 125]. Здесь можно вспомнить и о языке веера, которым пользовались в придворном обществе для того, чтобы избежать неуместного употребления слов.

Вообще, жест как способ коммуникации не зависит от слова. Это один из основных тезисов нашей статьи. Говоря о независимости жеста от слова, мы подразумеваем, что он не является «иллюстрацией», дополнением к слову. Здесь мы дерзаем вступить в полемику с часто встречающимся в психологии и семиотике подходом, который подчёркивает второстепенное, «вспомогательное» значение жеста в процессе коммуникации [7, с. 48; 8, с. 11]. При этом подходе слово считается основным способом коммуникации, а жест – тем, что дополняет, поясняет его. Такое же понимание жеста свойственно и обыденному мышлению, отдающему

безоговорочный приоритет слову в процессе коммуникации. Однако опыт немого кино, пластических искусств, живописи наводит на мысль о том, что *выразительный жест сам по себе является достаточным средством коммуникации*, часто не нуждающимся в поддержке словами.

В рамках социальной феноменологии, которая является методологической основой нашего исследования, этот тезис имеет обоснование. В социальной феноменологии считается, что наши представления конструируют и конституируют социальную реальность. Эти представления и ценности, в свою очередь, *кристаллизуются в жестах* [6; 12, с. 305]. Манера держать тело, ходить, здороваться, принимать пищу – это, казалось бы, «малое», незначительные атрибуты повседневности, однако через это малое проявляются существенные характеристики социальной жизни. Как пишет историк Кейт Томас, «за самыми, казалось бы, незначительными различиями в манере поведения можно увидеть глубинные сдвиги социальных отношений» [Цит. по: 9, с. 125].

Как члены социума, мы владеем принятыми в нём системами жестов: знаем, какие жесты являются допустимыми, обязательными, запрещёнными для конкретной ситуации или социального института, и исполняем их. Вернее, даже не мы владеем этими системами жестов, а они владеют нами, потому что тело образуется, созидается в течение жизни под воздействием наблюдения и исполнения принятых систем жестов, которые становятся для нас своими, естественными, которые мы не замечаем и не можем не исполнять. Наше тело из первоначальной природной данности – плоти – формируется как социальный продукт. Это хорошо иллюстрируется тем фактом, что эмигранты осваивают вербальный язык нового места жительства намного скорее и проще, нежели язык тела [8].

В различных социальных ситуациях (повседневности, пребывания в социальных институтах, межличностном общении, сакраментальных практиках) наши тела не просто воспроизводят принятые системы жестов, но такая телесная деятельность оказывается для нас естественной, единственной возможной. Эти системы жестов, принятые в социуме, участвуют в конструировании и конституировании социальной реальности. По этому поводу Гарфинкель приводит интересный пример: он говорит, что если при помощи жеста нарушить систему ожиданий (например, в процессе беседы, ничего не объясняя, начать медленно приближать своё лицо к лицу другого), то вся коммуникация будет разрушена. Жесты, таким образом, «скрепляют» социальную реальность, утверждая в ней привычные смыслы.

Таким образом, в большинстве ситуаций, в которых мы находим себя ежедневно, даже не нужны слова: они здесь являются чем-то избыточным, чем-то, что используется для украшения, для выражения солидарности. Успешное протекание большинства социальных ситуаций возможно уже благодаря тому, что они изнутри структурированы системами жестов, привычными манерами поведения. То же самое нам демонстрирует опыт немого кино: делая оговорку относительно того, что стилистика немого кино предполагает исключительно выразительные жесты, артистизм которых превосходит как жесты звукового кино, так и реальной жизни, нельзя не согласиться с тем, что немое кино демонстрирует, что понимание в большинстве случаев легко достижимо даже при отсутствии или же минимальном количестве слов.

Мы здесь вовсе не хотим сказать, что коммуникацию возможно ограничить одними жёстами или каким-то образом принизить коммуникативную или символическую роль слова. Напротив, наш исходный посыл – это благоговение перед словом, которое не может быть сведено к средству коммуникации, которое призвано прежде всего выражать мысли и транслировать человеку знание и опыт трансцендентного. Человек – это существо словесное, и потому следует реабилитировать ответственное и осторожное отношение к слову, которое в современной ситуации используется как «разменная монета» и утрачивает «живые связи с миром, другим и Богом» [10, с. 19].

Жест очевидным образом не может встать на место слова потому, что он не способен оперировать абстрактными понятиями. Выразить их, по крайней мере, те, которые обозначают чувства – да (скажем, жесты любви, защиты, неприятия), но оперировать сложными философскими или математическими понятиями – нет. Это мог бы сделать только искусственный язык жестов (например, язык глухонемых), о котором мы сейчас не говорим, так как это специальная тема, непосредственно касающаяся узкого круга людей.

Независимость жеста как способа коммуникации от слова видна также в таких нередких ситуациях, когда жест не только не способствует «однозначному восприятию» слушателем высказывания, но, напротив, идёт вразрез со сказанным.

Например, многозначность слова приводит к тому, что всегда есть возможность «скрыться» за словами, сделать вид, что хотел сказать больше, чем на самом деле сказал. Слова при этом используются не как способ передачи смысла, а как способ его утаивания. Мы хотим казаться сложнее, умнее, глубже, чем есть на самом деле, и язык предоставляет нам возможности делать это. С жёстами же ситуация обратная: они «расставляют всё по своим местам». Очень трудно телесно быть не тем, кто ты есть на самом деле. Глупец, даже если воспроизводит умные фразы, выглядит глупо, влюблённый ведёт себя как влюблённый. Жест обнаруживает за красотой и сложностью слов что-то иное, возможно, простое и малопривлекательное.

Можно указать на ещё одну важную черту жеста как способа коммуникации. Жест просто, недвусмысленно выражает наиболее значимое в экзистенциальном плане: предательство оборачивается болью, долгожданная встреча – радостью, одиночество – тоской и созерцанием. Все эти состояния отражаются в теле, в его жестах. Рефлексия этих состояний ценна, она помогает удержать настоящий момент, глубже прочувствовать его, осмыслить на фоне всей жизни, но очень часто она переходит в излишнее «самокопание» (или же копание в душе другого), наделение этого состояния и самого индивида иллюзорными, несуществующими смыслами. Жест кладёт конец такому навязчивому изучению души: в терминологии неокантианства он замещает объяснение *пониманием*. Интерпретация жестов, выражающих чувства и эмоции, возвращает в некое детское состояние, состояние до-рефлексивное, не-усложнённое смыслами, в том числе иллюзорными. Возвращаясь к немому кино, мы видим, как просты экзистенциальные ситуации, в которые попадают герои: боль – это боль, радость – это радость. Эта простота выражения делает жест трогательным.

Жест исключительно важен в межличностном общении: он задаёт тон общения (то, как «держит» себя человек, каковы его жесты, определяет стиль общения), структурирует межличностную коммуникацию и понимание. Первое впечатление о человеке – симпатия, антипатия – формируется именно под влиянием жестов. Дружба, и особенно влюблённость также основываются на интуитивном, нерациональном приятии тела другого. Огромное социальное значение имеют социальные танцы или, как это чаще имеет место в современной европейской культуре, дискотеки, на которых люди интуитивно чувствуют, насколько они подходят друг другу телесно. Близкие отношения, создаваемые восприятием Другого как неповторимой, уникальной и значимой для моей экзистенции личности, также формируются и сохраняются при помощи жестов. На самом деле, не так важно иметь общие темы для разговоров и разделять мировоззрение друг друга для того, чтобы чувствовать этого человека как очень близкого и родного. Каждый мог бы вспомнить ситуации в своей жизни, когда отношения структурировались не словами, а жестами: с другим или не о чем было говорить, или разговор почему-то «не шёл», был излишним, неестественным, хотя на уровне телесного восприятия друг друга имели место и симпатия, и близость.

В межличностном общении жест вызывает естественную эмпатию. Когда мы видим волнение, страх, радость другого, эти состояния передаются и нам. Именно телесное выражение помогает прочувствовать эмоциональное состояние другого, более того, испытать это состояние самому. Понимание жеста, таким образом, происходит не только аналитически, но и чувственно, через мимесис жеста, который расширяет границы нашего телесного опыта и приобщает миру чувств другого. Интересно, что физиологическая составляющая этого феномена была описана в середине XIX века английским физиологом Уильямом Карпентером: созерцание движения человеческого тела вызывает в наблюдателе слабое сокращение мускулов, участвующих в движении наблюдаемого. Позднее он был подтверждён электрофизиологическими опытами и получил название эффекта Карпентера [3, с. 5].

Жест как форма выражения эмоций показывает, что эмоции просты, цельны, в них нельзя развести внутреннюю и внешнюю составляющие, переживание и его телесное выражение. Эмоции телесны, жестовы сами по себе, и не могут быть иными: «В жестах соединяются чувственное выражение и душевные переживания. Поэтому невозможно ответить на вопрос, какую часть, например, в жесте радости, составляет телесная, а какую – психическая компонента» [5, с. 88].

В заключение данной статьи хотелось бы ещё раз чётко воспроизвести её основные тезисы.

1) Культивирование жестов, то есть сознательное творческое преобразование тела, помогает привнести эстетическое измерение как в жизнь индивида, так и в жизнь всего социума. Оно имеет огромное социальное значение, давая возможность сплотить людей, создать единство из простой коллекции индивидов. Такую роль в традиционных культурах играл фольклорный танец, исполнение которого связывало человека с народом, помогало почувствовать себя частью целого, преодолеть разобщённость индивидов. Идеи Павла Первого о необходимости муштры как первичного момента, образующего армию и государство, на наш взгляд, являются справедливыми и актуальными в любом социуме.

2) Культивирование жеста, пробуждая удивление и чуткость к красоте тела, вносит сакральное измерение в социальную жизнь. Совершаемое в рамках всего социального тела, оно задаёт фон всеобщего, универсума, память о нём; будучи делом индивида, заставляет переосмыслить привычные стереотипы действия, почувствовать уважение к иному, индивидуальному: «уважать все индивидуальности в их безумии данного момента» [11, с. 269].

3) И, самое главное, культивирование жеста помогает привлечь к нему внимание как к символу и как к способу коммуникации, тем самым освобождая слово от несвойственной ему роли главного средства передачи информации. Тем самым слово, уберёжённой тишиной и жестом, может вновь обрести силу, стать словом значащим, укоренённым в бытии, не замещающим, но являющим собой реальность – в том числе, реальность трансцендентного.

Список литературы

1. **Аверинцев С. С.** Ритм как теодицея // Новый мир. 2001. № 2. С. 203-205.
2. **Арустамян А. В.** Жест в культуре и искусстве: междисциплинарный анализ: дисс. ... к искусствоведению. СПб., 1999. 226 с.
3. **Булгакова О.** Фабрика жестов. М.: НЛЮ, 2005. 304 с.
4. **Волконский С. М.** Человек на сцене. СПб.: Аполлон, 1912. 183 с.
5. **Вульф К.** Жесты как язык чувств // Чувство, тело, движение / под ред. К. Вульфа, В. Савчука. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2011. 368 с.
6. **Гарфинкель Г.** Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.
7. **Колшанский Г. В.** Паралингвистика. М.: ЛКИ, 2008. 96 с.
8. **Крейдлин Г. Е.** Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: НЛЮ, 2002. 581 с.
9. **Марасинова Е. Н., Бромберг Д. Э.** Культурная история жеста // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: Издательство РГГУ, 1996. С. 119-128.
10. **Михайлова М. В.** Эстетика молчания. СПб., 2009. 320 с.
11. **Можейко М. Л.** Жест [Электронный ресурс] // Энциклопедия постмодернизма. URL: <http://libs-web.ru/philos/postmod/zhest.html> (дата обращения: 09.07.2013).
12. **Мосс М.** Техники тела // Мосс М. Общества. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. 416 с.
13. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ozhegov.org/words/8358.shtml> (дата обращения: 10.07.2013).
14. **Элиаде М.** Трактат по истории религий: в 2-х т. / пер. с фр. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 2. 416 с.

GESTURE AS WAY TO WORD HEALING

Shemyakina Ekaterina Viktorovna
Saint Petersburg State University
aicaitlin@gmail.com

In the article the problem of word devaluation in the modern world is considered and a possible way of its overcoming is suggested – gesture cultivation as a communication way and feelings and thoughts expression form. Considering gesture communicative potential, the author comes to the conclusion about its independence as a communication way from the word. Gesture cultivation brings in aesthetic and sacral aspects to social life and, finally, helps to heal the word releasing the latter from the role of the main means of information transfer unusual for it.

Key words and phrases: gesture cultivation; word; choreographic character; communication; body; social phenomenology.

УДК 165.6

Философские науки

В статье даны общие характеристики философского конструктивизма как результата научного прогресса. Показан специфический взгляд на связь субъекта и объекта познания в конструктивистских концепциях. Рассмотрено влияние кибернетики на становление конструктивизма. Распространяя свое влияние на большое количество научных областей, конструктивизм выходит на парадигмальный уровень. По мнению автора, конструктивистские концепции имеют эвристический потенциал для теории искусственного интеллекта, Интернет показан как место конкретной реализации искусственного интеллекта.

Ключевые слова и фразы: эпистемологический конструктивизм; аутопоэз; кибернетика второго порядка; искусственный интеллект; информационное общество; субъективная реальность; социальная реальность.

Янченко Андрей Андреевич

Южный федеральный университет
yanchenko-andrey@rambler.ru

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА
ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ТЕОРИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА[©]**

На современном этапе конструктивизм все больше утверждает свои позиции в предметном поле науки. Первоначально конструктивизм проявляется как направление в искусстве и оформляется в 20-е гг. XX в. При этом большое распространение он получает в Советском Союзе, в первую очередь в архитектуре. Конструктивистские идеи проявляются во многих сферах искусства: музыке, графике, литературе. Это было обусловлено индустриализацией общества, изменением быта и появлением новых задач, стоящих перед человечеством. В общем конструктивизм определяется как «одно из главных направлений авангарда, поставившее в центр своей эстетики и художественной практики категорию конструкции, которая, однако, не получила у самих конструктивистов однозначного определения» [5, с. 399]. Несмотря на некоторые разногласия в определениях, можно говорить, что конструктивизм в искусстве есть проявление активной созидательной позиции, причем с явным машинно-механическим уклоном, где всякое созидание есть строительство, конструирование. Хотя понятия конструирования и конструкции в том или ином виде существуют, нужно полагать, с момента осуществления человеком разумной деятельности, акцент на конструирование как на основу познавательной деятельности делается в науке не так давно. Идеи конструктивистского толка первоначально проявляются в естественнонаучных дисциплинах (биологии, физике, математике), а затем и социогуманитарных (лингвистике, социологии, философии). С появлением в качестве объектов исследования сложных систем – таких самоорганизующихся систем, в которых человек играет особую роль – происходит образование неустраиваемых теоретических связей между смежными дисциплинарными областями.

Истоки эпистемологического конструктивизма усматриваются в различных областях теоретического знания. Почва для конструктивистских теорий подготовлена, по мнению многих исследователей, таких, как Е. Н. Князева и В. А. Лекторский, еще И. Кантом, хотя какие-то предпосылки можно найти у Д. Вико и Р. Декарта и даже у философов античности. Показывая роль кенигсбергского философа в становлении идей конструктивизма, В. А. Лекторский говорит: «согласно Канту, наше познание имеет дело не с независимой от субъекта реальностью, не с вещами в себе, а с теми предметами, которые произведены самим субъектом. Можно знать лишь то, предмет чего существует в опыте. Но опыт – это конструкция, это организация субъектом материала чувственности (ощущений) с помощью априорных форм чувственного созерцания и априорных категорий рассудка» [14, с. 13]. Указанные И. Кантом когнитивные особенности человека позволяют сделать вывод о коренном несоответствии представления о познании у Канта и философов-новоевропейцев. Нужно заметить, что кантовское представление о природе опыта и формах чувственности не снимает субъект-